

Толстой Лев Николаевич

Голод

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Голод / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 64 с.

ISBN 978-5-519-77172-6

Содержание: О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая; Помощь голодным; Среди нуждающихся; К редактору "Русских ведомостей" от 4 февр. 1898 г.; Голод или не голод

ISBN 978-5-519-77172-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нужно постѣять около 10 четвертей. То, что у него останется на 40, 50, даже 60 руб. хлѣба,—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ему нужно на семью въ 12 душъ. На 12 душъ ему нужно 15 пудовъ по 1 р. 50 к.— 22 р. 50 к. на мѣсяць, 225 рублей на 10 мѣсяцевъ. Ему нужно, кромѣ того, 40, 50, 70 рублей на уплату аренды за наемную землю, ему нужны подати. Члены его семьи, живущіе въ людяхъ, въ нынѣшнемъ году или меньше получаютъ, чѣмъ прежде, по дорогому хлѣбу, или вовсе рассчитываются. Ему нужно рублей 350, а онъ не соберетъ и 200, а потому ему остается одно—не нанимать земли, продать сѣменной овесъ, продать часть лошадей, на которыхъ нѣтъ цѣнъ, т.-е. спуститься на степень средняго мужика и даже ниже, потому что у средняго семья меньше.

Но и среднему, если у него есть еще овесъ и лошадь или двѣ, не даютъ помощи или даютъ такъ мало, что онъ долженъ продать свою землю исключительнымъ богачамъ, проѣсть овесъ сѣменной, а потомъ и лошадь. Такъ что при томъ распредѣленіи помощи, которое существуетъ теперь, богатый долженъ неизбѣжно спуститься на состояніе средняго, а средній—на состояніе бѣднаго. А по условіямъ нынѣшняго года, за исключеніемъ особенныхъ богачей, почти всѣ должны спуститься на эту ступень.

Выдача, производимая мукой, не достигая цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, не достигаетъ и второй цѣли—обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней. Выдача мукой на душу не достигаетъ этого по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ, потому, что при такой выдачѣ мукой всегда есть возможность для получившаго ее поддаться соблазну и израсходовать, пропить полученное, чего и были, хотя и рѣдкіе, случаи; во-вторыхъ, потому, что попадая въ руки бѣдныхъ, помощь эта спасаетъ ихъ

отъ голода только въ томъ случаѣ, если въ семьѣ есть еще какія-нибудь свои средства. Наибольшая выдача составляетъ 30 ф. на человѣка. И если 30 ф. муки при картофелѣ и какой-нибудь примѣси къ мукѣ для печенія хлѣба могутъ прокормить человѣка въ продолженіе мѣсяца, то при полной бѣдности, когда не на что купить лебеды, чтобы подмѣшать въ хлѣбъ, 30 ф. муки съѣдаются въ видѣ чистаго хлѣба въ 15—20 дней, и люди, оставаясь на 10 дней совершенно голодными, могутъ заболѣвать и даже умирать отъ недостатка пищи. Въ-третьихъ, выдача муки въ бѣдныя семьи, даже и въ такія, въ которыхъ еще есть свои средства, не достигаетъ своей цѣли—обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней—потому, что въ семьѣ, гдѣ сильные люди легко переносятъ дурную пищу, слабые, старые и малые заболѣваютъ отъ недостатка и недоброкачества пищи.

Во всѣхъ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, всѣ—и богатые и бѣдные семьи—ѣдятъ хлѣбъ дурной, съ лебедой. (Странно сказать: теперь, въ большей части случаевъ, самые бѣдняки при полученіи хлѣба отъ земства ѣдятъ хлѣбъ чистый, тогда какъ въ богатыхъ семьяхъ ѣдятъ почти всѣ съ лебедой, съ отвратительною незрѣлою лебедой нынѣшняго года *).

И постоянно случается то, что сильные члены богатой семьи переносятъ лебедный хлѣбъ, а слабые, старые, больные прямо чахнутъ и мрутъ отъ него.

Такъ, приходитъ больная женщина изъ богатаго двора, принося въ рукѣ комокъ черной лебедной лепешки, составляющей ея главную пищу, и просясь въ столовую

*) То, что нынѣшній годъ лебеду вездѣ употребляютъ въ пищу, можно объяснить только преданіемъ, тѣмъ, что ее ѣдали прежде,—и пословица есть о томъ, что «не бѣда, что во ржи лебеда»,—и тѣмъ, что она родилась въ ржаномъ полѣ и вымолочена вмѣстѣ съ рожью. Мнѣ кажется, что если бы не было преданія и не была бы она въ ржаномъ полѣ, то скорѣе бы мѣшали въ хлѣбъ солому овсяную, опилки, чѣмъ это вредное вещество. А ее ищутъ вездѣ.

только потому, что она больна, и то только на время своей болѣзни.

Другой примѣръ. Прихожу къ мужику, который не получаетъ пособія и считается богатымъ. Ихъ двое съ женой, безъ дѣтей. Застаю ихъ за обѣдомъ. Картофельная похлебка и хлѣбъ съ лебедой. Въ квашнѣ новый хлѣбъ, еще съ большею примѣсью лебеды. Мужъ съ женой веселы и бодры, но на печи старуха, которая больна отъ лебеднаго хлѣба и говоритъ, что лучше разъ въ день ѣсть, только бы поѣсть хорошаго хлѣбца, а то этотъ душа не принимаетъ.

Или третій примѣръ. Приходитъ баба изъ богатаго двора просить о томъ, чтобы допустить въ столовую ея 13-тилѣтнюю дочь, потому что ея не кормятъ дома. Дочь эта прижита незаконно и вслѣдствіе этого ея не любятъ и не даютъ ей ѣсть вволю. Примѣровъ такихъ очень много и потому выдача пособія мукой на руки не обезпечиваетъ старыхъ, слабыхъ и нелюбимыхъ членовъ семьи отъ болѣзней и умиранія вслѣдствіе недоброкачества и недостатка пищи.

Какъ ни больно высказать это, несмотря на ту замѣчательную энергію и даже самоотверженіе большинства земскихъ дѣятелей, дѣятельность ихъ, состоящая въ раздачѣ пособій хлѣбомъ, не достигаетъ ни цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, ни предупрежденія возможности болѣзней отъ голода.

Но если то, что дѣлается теперь, не хорошо, то что же хорошо? Что же нужно дѣлать?

Нужны, по моему мнѣнію, двѣ вещи: для хоть не поддержанія крестьянскаго хозяйства, а противодѣйствія его окончательному разоренію учрежденіе работъ для всего могущаго работать населенія и устройство во всѣхъ деревняхъ голодающихъ мѣстъ даровыхъ столовыхъ для малыхъ, старыхъ, слабыхъ и больныхъ.

Учрежденіе работъ должно быть такое, чтобы работы эти были доступны, знакомы и привычны населенію, а не такія, которыми никогда не занимался или даже не видывалъ народъ, или такія, при которыхъ тѣмъ членамъ семей, которые никогда не уходили, надо уходить изъ дома, что по семейнымъ и еще другимъ условіямъ (какъ отсутствіе одежды) часто невозможно сдѣлать. Работы должны быть такія, чтобы, кромѣ внѣдомашнихъ работъ, на которыя пойдутъ всѣ привыкшіе и могущіе ходить на заработки работники, домашними работами могло быть занято все населеніе голодающихъ мѣстностей—мужчины, женщины, свѣжіе старики, подростки-дѣти.

Бѣдствіе нынѣшняго года заключается не только въ недостаткѣ хлѣба, но и въ неменьшемъ совершенномъ недостаткѣ не только заработковъ, но прямо работы,—въ принужденной праздности нѣсколькихъ милліоновъ населенія. Если хлѣбъ, нужный для прокормленія населенія, есть подъ руками, т.-е. можетъ быть доставленъ туда, гдѣ онъ нуженъ, за доступную цѣну, то голодающій народъ могъ бы самъ выработать себѣ этотъ хлѣбъ, будь только у него возможность работы, матеріалъ для работы и сбытъ. Если же у него не будетъ этой возможности, сотни милліоновъ будутъ безвозвратно потрачены на раздачи даровыхъ пособій, но бѣдствіе все-таки не будетъ устранено. Но дѣло не въ одной матеріальной тратѣ: праздность цѣлаго населенія, получающаго даровую пищу, имѣетъ страшное развращающее вліяніе.

Работы внѣдомашнія могутъ быть учреждены самыя разнообразныя и на зимнее и, тѣмъ болѣе, на лѣтнее время, и дай Богъ, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно въ большихъ размѣрахъ были учреждены эти работы. Но, кромѣ этихъ большихъ отхожихъ работъ,

предоставленіе народу возможности, не выходя изъ дома и изъ своихъ привычныхъ условій, работать свою привычную работу и сбывать ее хотя бы по самой дешевой цѣнѣ есть дѣло настоящей необходимости и огромной важности.

Въ деревняхъ неурожайныхъ мѣсть не родилась ни конопля, ни ленъ; овцы почти всѣ проданы, и у бабъ нѣтъ пряжи, нѣтъ тканья. Бабы, дѣвушки, старухи, обыкновенно занятыя, сидятъ безъ дѣла. Мало того, мужики, оставаясь дома и не имѣя денегъ для покупки лыкъ, тоже сидятъ безъ своей обычной зимней работы—плетенія лаптей. Ребята тоже болтаются безъ дѣла, такъ какъ школы большею частью закрыты. Населеніе, имѣя предъ собой только тяжелое представленіе о болѣе увеличивающейся нуждѣ, лишенное привычнаго и болѣе чѣмъ когда-либо необходимаго ему средства разсѣянія и забвенія—работы, сидитъ цѣлыми днями, сложа руки, перебирая разные слухи и предположенія о выдаваемой и имѣющей выдаваться помощи, а главное—о своей нуждѣ; «скучаютъ, тоскуютъ, оттого больше и болѣютъ», сказалъ мнѣ умный старикъ.

Не говоря уже объ экономическомъ значеніи работы для нынѣшняго года, нравственное значеніе ея огромно. Работа, какая нибудь работа, которая могла бы занять всѣхъ праздныхъ нынѣшній годъ людей, составляетъ самую настоящую необходимость.

Пока не будутъ еще устроены тѣ большія работы, о каковыхъ были разные, весьма разумные проекты, которыя теперь, какъ слышно, учреждаются и которыя принесутъ огромную пользу, если только при учрежденіи ихъ примутся во вниманіе привычки и удобства населенія, если бы только во всѣхъ неурожайныхъ деревняхъ дать возможность всѣмъ остающимся людямъ работать привычную работу, — мужчинамъ «хоть только

плести лапти, а женщинамъ прясть и ткать, — и дать возможность продавать то и другое, что приобрѣталось бы этимъ трудомъ, то и это было бы если и не поддержкой крестьянскому хозяйству, то по крайней мѣрѣ большой задержкой въ его упадкѣ. Если допустить, что будетъ найдено помѣщеніе холсту хоть по 8 к. аршинъ (а помѣщеніе возможно въ огромныхъ количествахъ) и будутъ скупаться лапти, которые могутъ сохраняться годами, по 10 к. за пару, то заработокъ каждаго человѣка будетъ, самое меньшее, около 5 к., т.-е. 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Если при этомъ допустить, что въ каждой семьѣ, въ среднемъ, не болѣе $\frac{1}{4}$ членовъ, не могущихъ работать, то окажется, что на каждое лицо въ семьѣ будетъ заработано $\frac{450}{4}$, т.-е. 1 р. 12 к., т.-е. значительно больше того, что теперь съ такимъ напряженіемъ, ссорами, спорами и вызывая такое всеобщее неудовольствіе выдается отъ земства.

Таковъ бы былъ расчетъ, если бы работалась самая дешевая и несомнѣнно доступная и извѣстная всѣмъ деревенскимъ жителямъ работа.

Средства получились бы большія, чѣмъ тѣ, которыя теперь получаютъ отъ даровой или заимообразной выдачи, не было бы той неразрѣшимой трудности распределенія и, главное, того недовольства, которое вызывается душевою выдачей.

Для достиженія этого нужно бы было только затратить не очень большія суммы на покупку матеріала для работъ — льна и лыкъ — и обезпечить помѣщеніе этихъ произведеній.

Устройствомъ такихъ работъ, доставленіемъ бабамъ прядева и продажей вырабатываемаго ими тканья уже занимаются многіе люди, хотя еще и въ очень малыхъ размѣрахъ. Мы тоже начали это дѣло, но до сихъ поръ не получили еще выписаннаго льна, шерсти и

лыкъ. Предложеніе наше крестьянамъ заняться работой на продажу лаптей и холста встрѣчалось вездѣ съ восторгомъ. «Хоть три копейки въ день выработать, все лучше, чѣмъ безъ дѣла сидѣть», говорили они.

Само собой разумѣется, что все это относится только до 5 зимнихъ мѣсяцевъ; въ остальные 4 лѣтніе мѣсяца, до новины, работы могли бы быть гораздо болѣе производительны.

Для достиженія цѣли—если не поддержки крестьянскаго хозяйства, то хоть задержанія его разоренія—есть, по моему мнѣнію, только это средство—устройство работъ.

Для достиженія же второй цѣли—спасенія людей отъ заболѣваній вслѣдствіе дурной пищи и недостатка ея—по моему мнѣнію, единственное несомнѣнное средство есть устройство въ каждой деревнѣ даровой столовой, въ которой каждый человѣкъ могъ бы насытиться, если онъ голоденъ.

II.

Первая столовая открылась у слѣплого старика съ женой и сиротами-внуками. Когда я, въ первый день открытія этой столовой, въ 11 часовъ, пришелъ въ избу къ слѣпому, у бабы уже было все готово. Хлѣбы вышли изъ печи и лежали на столѣ и на лавкахъ. Въ истопленной и закрытой заслонкою печи стояли щи, картошка и свекольникъ.

Въ избѣ, кромѣ хозяевъ, были двѣ сосѣдки и одна старуха бездомная, которая тутъ же попросилась перейти въ эту избу, съ тѣмъ чтобы здѣсь и кормиться и жить въ теплѣ. Народа еще не было. Оказалось, что дожидались насъ, не повѣщали. Мальчикъ и мужикъ вызвались повѣстить. Спрашиваю у хозяйки: какъ же всѣ усядутся? «Да ужъ я устрою, какъ должно, будьте спокойны», говоритъ хозяйка. Хозяйка эта—коренастая

женщина лѣтъ 50, съ робкимъ и безпокойнымъ, но умнымъ взглядомъ. Она до открытія столовой побира-лась и тѣмъ кормилась съ семьей. Про нее ея враги говорятъ, что она пьяница. Но несмотря на эти наго-воры, она располагаетъ къ себѣ своимъ отношеніемъ къ сиротамъ, внукамъ ея мужа, и къ самому исчахшему, чуть живому, слѣпому старику, лежащему на нарахъ. Мать этихъ сиротъ умерла годъ тому назадъ, отецъ бросилъ дѣтей, ушелъ въ Москву и тамъ завихрился. Дѣти—мальчикъ и дѣвочка—очень красивыя, особенно мальчикъ лѣтъ 8, несмотря на бѣдность, хорошо одѣты и обуты, и жмутся къ бабушкѣ, и требовательны къ ней, какъ бывають требовательны балованныя дѣти:

«Все будетъ, какъ надо, — говоритъ хозяйка, — и столъ достану. А какіе не усядутся — послѣ поѣдятъ. Хлѣбовъ, — сообщаетъ она мнѣ, — вышло 9 изъ 4 пу-довъ и, кромѣ того, затерла квасъ. Только съ торфомъ измучилась, — говоритъ она: — не горитъ. Ужъ своей со-ломки понадергала съ сарая. Раскрыла сарай, а то торфъ не горѣлъ». Такъ какъ мнѣ тутъ дѣлать нечего, я иду за оврагъ, въ столовую другой деревни, боясь, что и тамъ меня дожидаются. И дѣйствительно, и здѣсь дожидали. И здѣсь то же самое: тотъ же запахъ горя-чаго хлѣба, тѣ же ковриги по столамъ и лавкамъ, и тѣ же чугуны и горшки въ печи и любопытный народъ въ избѣ. Такъ же добровольцы бѣгутъ повѣщать. По-говоривъ съ хозяйкой, которая такъ же жалуется на то, что торфъ не горитъ, что ей пришлось исколотъ корыто, чтобы испечь хлѣбушки, я иду назадъ въ первую сто-ловую, думая, что встрѣтятся какія-нибудь недоразу-мѣнія или затрудненія, которыя надо будетъ устранить. Прихожу къ слѣпому. Изба полна народа и кишитъ сдержаннымъ движеніемъ, какъ лѣтнею ночью открытая колодка пчелъ. Изъ двери валитъ паръ. Пахнетъ хлѣ-

бомъ и щами и слышно чавканье. Изба крошечная, темная, два крошечныя окошечка, и то съ обоихъ боковъ толсто заваленныя навозомъ снаружи. Полъ земляной, очень неровный. Такъ темно, особенно отъ народа, спинами загораживающаго огня, что сначала ничего не разглядишь. Но, несмотря на эти неудобства и тѣсноту, столъ идетъ въ величайшемъ порядкѣ. Вдоль лицевой стѣны, налѣво отъ двери, два стола, вокругъ которыхъ со всѣхъ сторонъ степенно сидитъ обѣдающій народъ. Въ глубинѣ избы—отъ наружной стѣны къ печкѣ—хоры, на которыхъ уже не лежитъ, а сидитъ, обнявъ руками худыя голени, изможденный слѣпой, слушая говоръ и звуки ѣды. Направо, въ свободномъ углу передъ устьемъ печи, стоятъ хозяева и добровольныя помощницы. Всѣ они слѣдятъ за нуждами обѣдающихъ и служатъ имъ.

За столомъ, въ переднемъ углу подъ образами, Николаевскій солдатъ, потомъ деревенскій старикъ, потомъ старушка, потомъ дѣти. За вторымъ столомъ, ближе къ печи, спиной къ простѣнку, жалкаго вида попадья, кругомъ дѣти—мальчики и дѣвочки и дочь попадья, взрослая дѣвушка. На каждомъ столѣ чашка со щами, и обѣдающіе хлѣбаютъ, закусывая теплымъ душистымъ хлѣбомъ. Чашки со щами опоражниваются. «Кушайте, кушайте, — весело и гостепріимно, подавая черезъ головы ломти хлѣба, говоритъ хозяйка. — Еще налью... Нынче только щи да картошки, — говоритъ она мнѣ, — свекольникъ не поспѣлъ. Къ ужину будетъ». Старая, чуть живая старушка, стоящая у печи, проситъ меня давать ей на домъ хлѣба, она нынче насилу дотащилась, а каждый день ходить не можетъ, а мальчикъ ея тутъ ѣсть, такъ онъ носить будетъ. Хозяйка отрѣзаетъ ей кусокъ. Старуха бережно прячетъ его за пазуху и благодарить, но не уходитъ. Дьячиха, бойкая жен-

щина, стоящая у печи и помогающая хозяйкѣ, словоохотливо и бойко благодарить за свою дѣвочку, которая тутъ же ѣсть, сидя у стѣнки, и робко просить, нельзя ли и ей самой, дьячихѣ, поѣсть. «Давно ужъ и не пробовала хлѣбушка чистаго, намъ вѣдь это какъ медъ сладко».

Получивъ разрѣшеніе, дьячиха крестится, перелѣзаетъ черезъ доску, перекинутую со скамьи на лавку. Мальчикъ-сосѣдъ съ одной стороны и старушка съ другой сторонятся, и дьячиха усаживается. Хозяйка подаетъ ей хлѣбъ и ложку. Послѣ первой перемѣны щей подается картошка. Изъ солонки каждый насыпаетъ себѣ на столъ кучку соли и макаетъ въ эту соль очищенный картофель. Все это—и служеніе за столомъ, и приниманіе пищи, и размѣщеніе людей—совершается неторопливо, прилично, благолѣпно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ привычно, что какъ будто это то самое, что всегда дѣлалось, дѣлается и не можетъ иначе дѣлаться. Что-то въ родѣ природнаго явленія. Покончивъ картошки и бережно отложивъ оставшіеся кусочки хлѣба, Николаевскій солдатъ первый встаетъ и вылѣзаетъ изъ-за стола, и всѣ за нимъ встаютъ, поворачиваются къ образамъ и молятся, потомъ благодарятъ и выходятъ. Дожидавшіеся очереди неторопливо занимаютъ ихъ мѣста, и хозяйка вновь рѣжетъ хлѣбъ и наливаетъ вновь чашки щами.

Совершенно то же самое было и во второй столовой; особеннаго было только то, что народу было очень много, до 40 человѣкъ, а изба была еще темнѣе и меньше первой. Но то же приличіе посѣтителей, то же спокойное и радостное, нѣсколько гордое отношеніе хозяйки къ своему дѣлу. Здѣсь хозяинъ-мужчина служилъ, помогая матери, и дѣло шло еще скорѣе. Такъ же все происходило и во всѣхъ другихъ столовыхъ, устроенныхъ нами, съ тѣми же благолѣпіемъ и естественностью. Въ нѣ-